

Анастасия Коваленкова

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

A stylized, handwritten-style mark or logo, possibly a signature, consisting of a few fluid, connected strokes.

Повесть

Москва · «Никея» · 2022

Содержание

<i>К читателю</i>	<i>9</i>
<i>Интерлюдия. Песня</i>	<i>11</i>
<i>Глава 1. Толя ещё будет</i>	<i>15</i>
<i>Интерлюдия. Костры.....</i>	<i>25</i>
<i>Глава 2. Пираты оврагов</i>	<i>29</i>
<i>Интерлюдия. Ростки</i>	<i>36</i>
<i>Глава 3. Ласточка</i>	<i>40</i>
<i>Интерлюдия. Листва</i>	<i>61</i>
<i>Глава 4. Вася Стаканчик</i>	<i>66</i>
<i>Интерлюдия. Туман.....</i>	<i>71</i>
<i>Глава 5. Ружьё.....</i>	<i>76</i>
<i>Интерлюдия. Птицы</i>	<i>85</i>
<i>Глава 6. Без Зинки</i>	<i>89</i>
<i>Интерлюдия. Вода</i>	<i>99</i>
<i>Глава 7. За двоих</i>	<i>103</i>
<i>Интерлюдия. Простор.....</i>	<i>115</i>
<i>Глава 8. Капитальный</i>	<i>118</i>

<i>Интерлюдия. Простота</i>	132
<i>Глава 9. Туличиха.....</i>	136
<i>Интерлюдия. Гроза</i>	152
<i>Глава 10. Маша Капустка</i>	156
<i>Интерлюдия. Снега</i>	170
<i>Глава 11. Гусыня</i>	174
<i>Интерлюдия. Яблоки</i>	182
<i>Глава 12. Корзинщик</i>	187
<i>Интерлюдия. Терраска.....</i>	209
<i>Глава 13. Водонос</i>	214
<i>Интерлюдия. Берёза</i>	233
<i>Глава 14. Воля.....</i>	239
<i>Интерлюдия. Грибы.....</i>	259
<i>Глава 15. Пастухи.....</i>	262
<i>Интерлюдия. Дом</i>	280
<i>Глава 16. Мураш</i>	284
<i>Интерлюдия. Дороги</i>	306
<i>Эпилог. Поля и облака.....</i>	310

— А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слова «добрые люди»?

Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответил арестант, —
злых людей нет на свете.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

К читателю

Повесть эта началась 47 лет назад. Тогда, когда мне было шесть лет, в те дни, когда я, маленькая, ощутила «круглый уют» моей родины, в то время, когда я почувствовала себя под защитой хороших людей. Это было в деревне Жевнево, в трёх километрах от подмосковной станции Снегири. И уже тогда мне было горько уезжать в город.

Много деревень я повидала с тех пор. У меня появился и свой дом под Переславлем-Залесским. И здесь, в Яропольцах, меня вновь окружают хорошие люди.

У них, у тех, у этих, я училась сажать огород, косить, топить печь, солить огурцы.

У них я училась быть сильной, смиренной, громко петь, тихо трудиться, отстаивать себя и прощать всех.

Когда я выросла в автора, люди стали собираться в образы. И начали говорить во мне. Это не документальные герои, это — портреты, слагаемые из многих лиц и судеб. Это портреты моего народа.

А вот как писалось повествование: оно нанизывалось, как бусы на нить, с крупными камнями, камешками и замком, соединяющим всё воедино.

Сперва, будто крупные камни, нанизались на нитку текста портреты-судьбы. И они стали главами.

Потом появились «интерлюдии» — маленькие камешки-архетипы, то, среди чего живут мои люди.

Ведь Песня, Вода, Дом, Снега, Костры, Листва, Птицы, Простор, Яблоки, Простота, Берёза, Дороги — это и есть наша страна.

Эти «интерлюдии» легли между «людьми», оказались на той же нитке, создав пространство. Оставалось найти замок для бус моей повести.

А таким замком стал эпилог, последняя глава, где я, шестилетняя, узнаю, что живу в «круглом уюте», где понимаю, что не только моя деревня, а вся страна вокруг населена родными людьми. Которым я своя, которые и приласкают меня, и отрубают запросто, как свою. Которые защитят меня от беды и которых я готова защищать, как смогу. Словом и делом. Потому что это мой народ. Это хорошие люди.

Жованешкова

Интерлюдия

Песня

Трудно человеку начинаться весной. А приходится. Сызнова, с самого начала приходится. Потому как за зиму всё поистратилось.

Да и всему живому трудно. Вон ветка: каково ей, холодами обветренной, шершавой, — выпустить почку и родить лист?

А птицы? Те, что переголодали, а всё же дожили до тепла? Где только они силы взяли?

Идёшь по лесу, среди всех них, среди веток, птиц, и чувствуешь себя самым негодным. Они уже смогли, начались. Маленькие, но справились, отряхнулись, зажили. Уже поют. И только ты один — несуразный.

Спросишь себя: «Чего тебе надо?» И стыдно сказать, потому что ерунда это вроде...

А надо тебе песню, свою песню тебе надо.

Станешь в памяти искать, чтобы хоть негромко, но спеть.

Загадочная это штука — песня человека. Сквозь столько времён прошли они к нам, русские эти песни. Припомнишь их, грустные все, протяжные. Зачем, зачем они у нас такие? Их не убили революции. Даже пластиковые времена с ними не сладили. Ты идёшь сейчас, сегодня — вон они, в кустах лежат — прозрачные пустые пластиковые предметы... А тебе нужна песня.

И забрезжит в голове что-то про ямщика, но не про того, что замерзал в степи, а про другого, что пел какую-то там... унылую песню. И сбиваясь, пугаясь, зазвучит в голове:

«...дорога пылится слегка, и... та-та-та... по ровному полю разливается песнь ямщика. И... сколько грусти в той песне унылой, и... чего-то... в напеве одном, что в груди моей холодной, остывшей, разгорелось сердце огнём...»

И от последних этих слов вспомнишь совсем другое, нынешнее.

Шла я как-то в мае по задам чужой деревни, по узкой тропе вдоль щербатых заборов. Иду, слышу, поёт кто-то, всё ближе, ближе. Огляделась. За забором, на своём огороде, стоит, опершись на лопату, немолодая женщина. Вокруг — грядки, половина уже вскопана, земля сырая чёрными комьями лежит, липкая. Видно, что копать трудно, а копать ещё много надо. Стоит она там, в сапогах, облепленных грязью, и поёт:

Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров.
Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом.

Она не видела меня и пела широко, громко.
Она пела о своём любимом непутёвом мужике,
видать, бедовом пьянице.

Сколько раз спасала я тебя!
Не могу я больше, не могу...

Лицо её было совершенно счастливое. Я замерла, боясь выдать себя. А человек пел свою песню, ту, которая высказала его, теперешнего, целиком. Ту, от которой сердце его разгоралось.

Ушла я осторожно. Песня всё удалялась, удалялась...

Редко теперь увидишь поющего человека. Хотя, может, и раньше стеснялись люди.

Вот с ямщиками, оно понятно. Ямщики, они же и поют в голос, потому что одни в своём пути, им не зазорно перед людьми.

Ничего, что протяжная она, наша песня. Она такая и нужна, чтобы человек себя нашёл. Как же ему иначе? Споёт вот так, протянет душу свою через песню, и душа станет лёгкая.

Думая обо всём об этом, пройдёшь сквозь лес, выйдешь в поле и пошагаешь, увязая в разгвазданной дороге. Глядя под ноги, поймашь в памяти обрывок, и ещё строчку, и ещё. И запоёшь:

Интерлюдия

Вытри слёзы, отдохни немного.

Я — русская дорога!

Отходи, а я тебя прикрою

Грязью да водою,

Грязью да водою, грязью да водою...

И заплачешь счастливо. И начнёшься.

Толя ещё будет

Так хорошо было жить и знать, что Толя — косит. И пускай в городе несётся своя жизнь, и страна летит незнамо куда, и никто ни за что, кажется, уже не отвечает... Но там, вдали, есть деревня, где Толя утром взял косу и пошёл. И косит! Толя обкашивает всю деревню. Это так же верно, как восход солнца.

Раньше-то, конечно, все косили. И сенокос, и заливные луга, и перед избами — «под лысого», и бровку вдоль дороги. Ещё и нас, ребят, ругали, что, резвясь, траву мнём. «После вас — как Мамай прошёл! Косой не подымешь!»

Было оно, было — «Коси коса, пока роса!»

Уж потом — как посыпалось! Порастворились колхозы-совхозы, будто сговорившись, вдруг составились все деревенские, дачники исчезали. В полях, вместо пшеницы и овса, словно из-под земли, разом стали вздыматься трёхэтажные особняки,

всё плотнее обступая притихшую деревню. И пока-
тилось всё, куда — не разбери-поймёшь...

Но только не Толя. Он по-прежнему возвышал-
ся среди травы и махал косой.

В деревне, из мужиков, Толя был самый боль-
шой. Досталось ему тело, которое и в крестьян-
ских-то тяжёлых трудах не задействуешь в полную.
Потому брался он за самую надрывную работу, дей-
ствуя размеренно и осторожно, чтобы чего не сло-
мать. «В целости сделаю...» — говорил он.

По улице Толя ходил, внимательно оглядывая
встречающееся на пути и невзначай поправляя
всё, что было неладно. Идёт к соседке за какой-то
надобностью, уж зашёл почти в калитку, ан нет,
остановился. Осторожно потрогал столбик поко-
сившийся. Улыбнулся большим лицом, присел, ух-
ватил ручищами столб и, выдернув, воткнул заново.
Землю подгребает сапогом, выравнивает...

— Толь, ты чё там возишься, а? — кричит бабка.

— Не бойсь, бабуль, в целости сделаю! — улыба-
ется он через плечо.

Он много улыбался. Толина улыбка была безза-
щитная и доверчивая, говорящая: «Ну да, большой
я, не взыщите. Но хорошо ж сделаю, ладно будет...»
Самый добродушный человек он был. Но и самый
упёртый.

Когда народ бросил косить перед домами, Толя
растерянно походил от одного к другому, поспра-
шивал: «Чего зарастаем?»

— А чего я ляматься буду, когда такой разор?! —
отвечали ему. — Коси сам, коли не лень.